

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ

В РОССИЙСКОЙ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ 1930-1980-х гг.

Автор: М. А. БЕЗНИН, Т. М. ДИМОНИ

БЕЗНИН Михаил Алексеевич - доктор исторических наук, проректор по научной работе ВГПУ, зав. кафедрой отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета (E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru). ДИМОНИ Татьяна Михайловна - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории того же университета (E-mail: dimoni@pochta.ru).

Аннотация. Статья посвящена описанию новой концепции классовой структуры российской деревни 1930 - 1980-х гг. (протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, сельского пролетариата).

Ключевые слова: деревня * классы * советский период

В последние два десятилетия проблема социальной дифференциации российского общества стала одной из наиболее дискутируемых в общественных науках. М. Н. Руткевич, В. И. Староверов в конце 1990-х гг., подводя итоги изучения социальной структуры советского общества, отмечали, что вместе с основными классами существовало множество социальных групп, переживавших процессы классовобразования [Руткевич, 1999; Староверов, 1998]. В начале 2000-х гг. поиски были продолжены. Так, С. А. Кордонский вслед за В. Теккенбром высказал мнение, что основными элементами социальной структуры России являются не классы, а сословия [Кордонский, 2008]. Продолжается обсуждение проблемы существования в СССР и России "высшего", "среднего" и "низшего" классов [Беляева, 2005; Беленький, 2006, 2007], разрабатываются и другие подходы. Однако и над современными исследователями во многом довлеет представление об уникальном социально-экономическом устройстве советского общества, обусловленном социалистическим характером производства, малоклассовостью социальной градации, низкой степенью дифференциации и неантагонистичностью социальных отношений.

На наш взгляд современные концепции социальной структуризации советского общества не учитывают стратегического явления экономического развития СССР 1930 - 1980-х гг., его государственной капитализации [Бензин, Димони, 2009, 2005], которая неизбежно влекла появление новых социальных классов. Прежде чем перейти к их характеристике, поясним вышесказанное.

Вопрос о капитализации в советской исторической науке был запутан отказом от употребления термина "капитал" применительно к экономике СССР (затраты живого и прошлого труда, воплощенные в средствах производства, получили наименование "основные фонды"). Исходя из этой логики, получалось, что происходившая в XIX - начале XX вв. и незавершенная капитализация экономики России (см., например,

работы о капитализации сельского хозяйства П. Лященко), полностью прекратилась в советское время. Однако важнейшими показателями капитализации сельского хозяйства СССР 1930 - 1980-х гг. являлись нарастающая величина его производственных капиталов (если в 1928 г. их величина в СССР составляла 18 млрд. руб., то в 1970 г. - 90 млрд. руб. [Стат. сборник, 1971:12. 17]) и место капитала во всех затратах на производство. Структурный вес капитала в затратах на производство сельхозпродукта позволяет определить показатель себестоимости (рассчитанный на основе затрат живого труда и капитала на производство продукции). В РСФСР в 1970 г. капитал составлял около 70%, в 1980 г. - около 80% в себестоимости сельхозпродукции колхозов, а в совхозном производстве в 1980 г. приближался к 90%, следовательно, доля затрат живого труда была в несколько раз ниже, чем капитала [Уровень..., 1975, 1983].

Капитализация привела к коренной трансформации сельскохозяйственной экономики - уходу от натуральности, товаризации сельхозпродукции, развитию рынков труда, земли, капиталов. В 1930-е гг. начинается покупка-продажа рабочей силы совхозными рабочими, механизаторами. Уже с середины 1950-х гг. делались попытки введения заработной платы в колхозах, а ее законодательное оформление произошло в середине 1960-х гг. В этот же промежуток времени происходит товаризация средств производства: вместе с реформой МТС 1958 г. начинается покупка-продажа колхозам крупной сельхозтехники. По данным А. М. Емельянова, уже в начале 1960-х гг. совокупный уровень товарности всех отраслей сельского хозяйства СССР составлял 51%, т.е. отчуждение превысило половину производимого продукта [Емельянов, 1982]. Возражения по поводу специфичности товарности нашего сельского хозяйства - широкого применения принудительного отчуждения, диспаритета цен - не являются поводом для того, чтобы сомневаться в уходе от натуральности и замкнутости сельхозпроизводства.

Государственная капитализация сельского хозяйства России произошла через плодотворное использование роли разных укладов в этом процессе (государственного - совхозов и МТС, колхозного и крестьянского). Колхозный уклад сыграл ключевую роль в процессах первоначального накопления капитала в стране. Отделение крестьян от земли и основных средств производства, осуществленное через создание сельхозартелей, позволило производить масштабное выкачивание средств из сельского хозяйства. Колхозный уклад позволил советскому государству полномасштабно использовать механизмы аграрного общества. Разделенная собственность (ярчайшее проявление - создание МТС), законодательно оформленная система повинностей [Бензин, Димони, 2002: 96 - 111] вместе с личной поземельной прикрепленностью колхозника были той специфичной формой, через которую прошло советское общество в становлении крупного госкапиталистического аграрного производства. Место колхозного уклада в аграрной экономике было ведущим до начала 1950-х гг. Соотношение укладов кардинально меняется в 1960-е гг. На первое место прочно выходит совхозный уклад. В 1970 - 1980-е гг. он производит более 40% валовой сельхозпродукции России, в то время как колхозы - около трети. Это явление свидетельствует о том, что колхозы выполнили свою роль в процессах первоначального накопления. Совхозы же в свою очередь являлись формой полномасштабного функционирования государственного капитализма в сельском хозяйстве.

Таким образом, в 1930-е, 1940-е, отчасти в 1950-е гг. в сельской экономике России шло становление раннего госкапитализма с широким применением государственно-феодалных методов эксплуатации. Говорить о становлении зрелого госкапитализма можно применительно к 1950 - 1960-м гг., когда в российском сельском хозяйстве среди факторов производства основное место стал занимать капитал, произошли связанные с его работой системные сдвиги. В 1970 - 1980-е гг. процесс капитализации российского сельского хозяйства выглядел уже свершившимся фактом.

Капитализация сельского хозяйства в колхозно-совхозный период была неразрывно связана с глобальными социальными изменениями. Официальная советская

доктрина не отрицала глубоких социальных изменений в обществе, однако, делала вывод о складывании социальной однородности общества. С другой стороны, уже в 1960-е- начале 1970-х гг. советские исследователи постепенно отходили от схемы классового структурирования 1930-х гг. и обращали внимание на то, что в крестьянстве сложилось определенное количество "структурных групп", различающихся по доходам, образованию, профессиональной подготовке и т.д. [См., например: Внутрикласовые.... 1966: 14]. Особенно в этом плане выделялась монография Ю. В. Арутюняна, который на основе данных переписи населения 1959 г. доказал, что на первый план в деревне этого периода выступают социально-профессиональные различия [Арутюнян, 1971]. Исследования Ю. В. Арутюняна были продолжены и развиты в работах В. И. Староверова, проводившего анализ региональных различий социальной структуры сельского населения страны [Староверов, 1978].

Большие теоретические возможности для понимания социальных сдвигов в колхозной деревне дали исследования западных ученых. Отметим, что в западной науке понимание нарастающей социальной дифференциации советского общества сложилось еще раньше, чем в нашем обществоведении - в 1930-е гг. [Комаров, 1992]. Этот подход базировался на концепции "стратификации", предполагавшей, что общество в XX веке делится не на классы, а на страты, определяемые такими критериями как уровень доходов, образование, квалификация, род занятий и пр. Особенно настойчиво западные исследователи прописывали складывание в советском обществе "государственной буржуазии", связанной с концентрацией распределительных функций, командованием средствами производства [Nove, 1992; Восленский, 1991], а также слоя управляющих. В частности Д. Бернхем считал, что власть в России уже в 1940-е гг. перешла к менеджерам, ибо тот, кто контролирует производство, тот и собственник; причем он указывал, что именно с России начинается "мировая революция менеджеров" [Bernham, 1941]. Господствующим классам, по мнению советологов, противостоял класс государственно зависимых работников, лишенных собственности. Эта категория исследовалась гораздо менее подробно. Изучение социальной структуры сельского населения 1940 - 1950 г., проведенное А. Инкельсом, показывало, что крестьянство, хотя и являлось по сравнению с рабочими более гомогенной группой, все же распадалось на группы "преуспевающих крестьян из колхозов-миллионеров" и "средних крестьян, включая наименее производительные и наиболее бедные группы людей" [Inkels, 1951]. В 1960 - 1970-е гг. западные исследователи начали отмечать появление новых социальных классов. В частности они выделили как отдельный социальный класс - класс интеллектуалов на том основании, что он обладает собственностью на научные знания и информацию. Основные идеи о новом классе были сформулированы в 1980 - 1990-е гг. Э. Гоулднером и А. Туреном [Gouldner, 1979, 1994]. В 1960-е гг. социологи С. Малле, А. Горц и А. Турен выдвинули идею, согласно которой эволюция производственной технологии привела к появлению нового сегмента в рабочем классе ("нового рабочего класса"), охватывающего занятых в передовых высокотехнологических производствах. Этот слой характеризовался более высоким уровнем образования, организации работы и т.д. [Аберкромби, Хилл, Тернер, 2008].

Несмотря на то, что многие современные ученые отказываются от дефиниции "класс", предпочитая рассматривать организацию общества в пределах слоев, сословий или страт, считаем, что укрупненное рассмотрение социальной структуры возможно только через выявление классовой дифференциации общества. В современном обществознании под социальным классом понимается кумулятивная, нормальная, солидарная, полузакрытая, но с приближением к открытой, связанная положительной социально-классовой комплиментарностью группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой [Солодовников, 2003].

Интегрируя научные наработки, попытаемся дать свою схему характеристики основных социальных классов сельскохозяйственного населения России 1930 - 1980-х гг. Прежде всего, важно выяснить численность группы и определить ее ди-

намику в течение 1930 - 1980-х гг. Значению количественного фактора при описании классов, социальных слоев уделялось особое внимание во всех историографических схемах. Одним из главных факторов для характеристики классов сельскохозяйственного населения является отношение каждого из них к собственности, изменявшееся, в частности, по линии присвоения собственности или постепенной утраты прав собственности. Необходимо охарактеризовать позицию каждой группы сельскохозяйственного населения по отношению к властной структуре, определить степень "вписанности" ее в политические механизмы, уровень и систему "связи" с политической системой общества. Здесь требуется анализ разнопорядковых явлений - изучения уровня партийности, проявлений протеста, формирования классовой или другой идентичности, политического сознания и т.п. Статусу колхозника, рабочего совхоза и МТС соответствовали определенные и значительно отличавшиеся правовые системы, влиявшие на формирование иерархии классов сельского населения, поэтому анализ социальной трансформации в российской деревне должен сопровождаться изучением эволюции правового статуса каждой группы населения. Характеристика материального положения - необходимое условие изучения социальной трансформации деревни. Классы сельского населения имели определенное место в системе распределения общественного продукта, в оплате их труда имели место разные подходы (заработная плата, оплата по трудодням и т.д.). Изучение характера труда, места каждой социальной категории в системе его общественного разделения - еще одна исследовательская задача. На селе были сосредоточены представители, проявлявшие себя в сфере умственного (интеллектуалы) и физического труда, работники разной квалификации - от тех, кому необходимо было специальное образование, прежде всего для работы с техникой, до тех, кто выполнял рутинные "крестьянские" функции. Кроме того, часть трудовой деятельности происходила в индивидуальном хозяйстве (обработка приусадебных участков и приусадебное животноводство). Совершенно не начато нашей исторической наукой изучение проблем "клановости" разных категорий сельскохозяйственного населения 1930 - 1980-х гг., в том числе соотношения степени родства, должностного и социально-профессионального статуса. Большое значение имеет изучение изменения культуры села. Хотя вопрос эволюции культурных установок представляется сложным, но все же магистральное направление ее исследования уже разработано, в частности, в плане художественного осмысления этих явлений - в литературе, прежде всего, деревенской прозе и кинематографе. Большое внимание этой проблеме уделяла и советская историография, концентрировавшаяся на изучении уровня образования сельских жителей. Несомненно, важно проследить изменение ментально-поведенческих категорий характеристик селян, их социально-психологических особенностей. Эти исследования уже проводятся [Менталитет..., 1996; Кознова, 2000; Голоса..., 1996; Рефлексивное..., 2002], необходимо вовлекать их результаты в обобщающую общеисторическую канву. В целом речь должна вестись о смене единой "крестьянской культуры" культурой разных групп сельскохозяйственного населения, формировании на селе многообразия культурно-ментальных систем. Изучение социальных категорий сельскохозяйственного населения 1930 - 1980-х гг. требует вовлечения как традиционных, так и достаточно новых для историков источников. Прежде всего, здесь нужно отметить информативные возможности колхозных Уставов 1935, 1969, 1988 гг., Положения о социалистическом государственном производственном предприятии 1965 г., Постановления ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г. "Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов", Постановления СМ СССР от 19 апреля 1948 г. "О мерах по улучшению организации и повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах", типовых положений об оплате труда и т.д. Отдельную группу материалов составляют материалы съездов колхозников и совещаний передовиков сельского хозяйства с руководителями партии и правительства [Второй Всесоюзный..., 1935; Совещание..., 1936 и др.]. Построение выступлений рядовых участников, круг обсуждаемых вопросов позволяют выявить информацию о месте социального класса,

биографиях его представителей, взглядах, материальном положении. В качестве источника также были использованы делопроизводственные материалы органов власти, аналитические материалы сотрудников правоохранительных органов, прежде всего, прокурорских работников, в большом количестве направляемые в партийные органы "для сведения", а также описывающие наиболее распространенные способы хищений в колхозах и совхозах, дающие социальный портрет обвиняемых по представленным эпизодам. Большой круг вопросов, относящихся к характеристике социальных классов, позволяют изучить письма сельских жителей [Зензинов, 1944; Общество и власть, 1998; Попов, 1993]. Очень интересный пласт информации представлен сведениями по устной истории крестьян, собранными Центром крестьяноведения и аграрных реформ в 1990 - 1993 гг. в рамках российско-британского проекта "Изучение социальной структуры советского и постсоветского села" более чем в 20 селах Европейского Нечерноземья, Кубани, Поволжья, Урала, Алтая и т.д. [Голоса, 1996; Еферица, Еферица, 1996; Кондрашин, 1997; Ратушняк О., Ратушняк Т., 1999; Артемова, Бензин, Камкин, Саблин, 1997]. Особое внимание в изучении социальных слоев села необходимо уделять их описанию в публицистике и художественной литературе. Среди публицистических произведений 1930-х гг. несомненный интерес представляет книга С. С. Маслова о колхозах [Маслов, 2007]. Множество непосредственных свидетельств о деревенских слоях встречается нам у публицистов 1950 - 1980-х гг., среди которых В. Овечкин, Г. Радов, Ю. Черниченко, В. Полторацкий, Л. Иванов и др. [Овечкин, 1978; Радов, 1971; Черниченко, 1978; Полторацкий, 1977; Иванов, 1984 и др.]. Произведения писателей-деревенщиков (В. Тендрякова, Ф. Абрамова, Б. Можаяева, В. Распутина, В. Белова, А. Яшина и др.) сохранили ценнейший пласт сведений, не прописываемых ни в статистике, ни в официальном делопроизводстве, ни в периодической печати. С одной стороны, они представляют собой достаточно точное историко-этнографическое отражение деревенской повседневности, а с другой стороны, являются первым "подступом" к историко-художественному осмыслению сложного пути российского села в XX веке. Особое значение в описании социального поведения имеют частушки, как вполне "легальные", вышедшие в советское время в сборниках, подготовленных отдельными авторами или собранные в ходе фольклорных экспедиций [Частушки, 1952; Частушки, 1958; Частушки, 1965; Сказки..., 1982], так и частушки "нелегальные", так называемые политические, представленные в самиздате или записях отдельных собирателей [Частушки, 1987; Частушки, 1990; Заветные..., 1999].

Указанные подходы позволяют выявить складывание в деревне периода 1930 - 1980-х гг. *пяти социальных классов* сельскохозяйственного населения: протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, сельского пролетариата.

Важнейшее место в социальной трансформации села занимало формирование сельской *протобуржуазии* [Бензин, Димони, 2008, 2010]. Основу этого социального класса составляли председатели колхозов, директора совхозов, МТС. Численность протобуржуазии подвергалась значительным колебаниям. Так, председателей российских колхозов в 1932 г. насчитывалось более 150 тыс. человек, в 1987 г. - 12 тыс. человек [Народное..., 1932, 1988]. Численность директоров совхозов в начале колхозно-совхозного периода отставала от численности председателей колхозов, но догнала ее по величине в конце 1980-х гг.: в 1930 г. директоров российских совхозов насчитывалось около 3 тыс. человек, в 1987 г. - почти 13 тыс. [Народное..., 1932, 1988]. Резкое сокращение численности протобуржуазного слоя к концу советского периода отражало происходящие процессы концентрации капитала, а также изменившиеся задачи протобуржуазного слоя. Если в 1930 - 1940-е гг. его главной задачей был слом старокрестьянской жизни и повседневный контроль за огромным числом локальных производственных операций, то в конце советской эпохи протобуржуазия управляла высококонцентрированным капиталом, решала серьезные задачи трансформации производственных отношений.

Процессы становления протобуржуазии проявлялись и в правовом положении. Правовой статус председателей колхозов эволюционировал в сторону их выведе-

ния из статуса колхозника. Хотя и на председателей колхозов распространялась обязанность выполнения крестьянских повинностей (до конца 1950-х гг.), у них, как у колхозников, отсутствовали паспорта, но правовая система государства уже в 1950 - 1960-е гг. ввела председателей колхозов в пенсионную систему страны, позволила состоять в профсоюзе и т.д. Реальный правовой статус председателя колхоза был гораздо шире, чем формальный. "Власть председателя на селе была неограниченной", - говорили в ходе опроса 1991 г. колхозники Алтайского края [Ковалёва, 2002].

Большое значение в реализации реального правового статуса председателей колхозов имела "разделенность" властных полномочий. Она базировалась на "разделенном" праве собственности, характерном для 1930 - 1950-х гг. Председатель колхоза, с одной стороны, опирался на бытовавшую систему деревенских кланов, базировавшихся на совместных действиях тех, кто контролировал разные аспекты "пучка" прав собственности, что могло обеспечивать достаточную полноту контроля над капиталом. Вот как это отражалось в частушке: *"Кладовщик блины печет, / Счетовод подмазывает, / Председатель водку пьет, / Бригадир не сказывает"* [Сказки..., 1982]. С другой стороны, ярко проявлялась подчиненность председателей колхозов районному и областному уровням власти. Не случайно в частушке 1950-х гг. пелось: *"Председателем райком / Как тряпкой помыкает, / А он на колхозниках / Злобу вымещает"* [Заветные частушки, 1999].

Директоры МТС и совхозов, в отличие от председателей колхозов, не выбирались, а назначались. Это определило особенности в становлении их протобуржуазного правового статуса. Они были менее свободны в принятии управленческих решений, хотя формально - выше по статусу, чем председатели колхозов, так как обладали всеми правами рабочих: имели паспорт, получали гарантированную зарплату и т.д. Это привело к парадоксальному явлению: председатели колхозов, будучи ниже по правовому статусу, были более свободны в реализации властных прав и прав собственности. Именно в их среде протобуржуазные тенденции проявлялись ярче и вызревали быстрее.

Колхозные уставы 1935, 1969, 1988 гг. поступательно фиксировали расширяющиеся права председателей колхозов в распоряжении колхозными средствами. Постепенно в среде сельскохозяйственной протобуржуазии шло нарастание возможностей экономической реализации права собственности. В 1930-е гг. это еще выглядело как "злоупотребление": *"Я в колхозе звеньевая, / Председатель - милый мой; / Зерно, мясо на машине / Он везет ко мне домой"* [Самиздат века, 1997]. В 1950-е гг. председатели колхозов уже жили интересами бизнеса. Известны, например, председатель московского колхоза Снимщиков, который брал заказы на пошив матрасов, изготовление джемов и соков, гусь-хрустальненский председатель Горшков, который поставлял в Москву саженцы. В целом власть поощряла наиболее предприимчивых председателей и осуждала нерадивых. Особенно возросли права председателей в распоряжении собственностью после реорганизации МТС.

Самосознание протобуржуазии эволюционировало в сторону увеличения буржуазной составляющей. Значимыми и ценными внутри слоя были качества "настоящего хозяина", который относится к колхозному хозяйству, как к "своему, кровному". Председатель колхоза Маслов из Курской области в своем дневнике писал в 1951 г.: *"Мечусь, как в угаре... У нас же до сих пор гречиха не убрана... В третьей бригаде нет настоящего хозяина. Нужно что-то предпринимать"* [Маслов, 2005].

Внутри протобуржуазного слоя присутствовало понимание его обособленности как категории. "Эх, судьба председательская! - писал тот же Маслов. - И на хозяйстве душно и в квартире тесно. Чувствуешь себя стесненно, неловко, будто в чем-то перед кем-то виноват". Важной частью формирующегося протобуржуазного статуса стало умение "буржуазно" выглядеть, приобретшее особую ценность в 1950-е гг. Хорошим тоном считалось носить цивильный костюм, галстук, обладать "городскими" манерами.

Основным помощником протобуржуазии, "рычагом" в осуществлении социально-экономического переустройства села стал значительно более многочисленный социальный класс *менеджеров* [Бензин, Димони, 2009]. В состав менеджеров в сельском хозяйстве входили более "мелкие" распорядители ресурсов и управленцы. Это бригадиры, заведующие фермами, управляющие отделениями совхозов, звеньевые, завхозы, кладовщики, приемщики, раздатчики, весовщики и др. Численность менеджеров в течение 1930-х гг. составляла не менее 1 млн. чел., а к концу 1980-х гг. сократилась до 200 тыс. [Бензин, Димони, 2009: 21 - 25]. В 1930- 1940-е гг. высокая численность менеджеров позволяла им весьма эффективно контролировать труд, денежный и физический капитал сельхозпредприятий. Структура основных групп менеджеров менялась в зависимости от соотношения различных факторов производства. Так, увеличение значения и роли финансового капитала отразилось на численности бухгалтерской группы: она росла с 1950-х гг., несмотря на укрупнение предприятий. А вот численность бригадиров и звеньевых - наиболее массовых групп управленцев, контролировавших непосредственно труд, наиболее существенно сократилась в 1930 - 1980-е гг.

В 1930 - 1950-е гг. воспроизводство социального класса сельскохозяйственных менеджеров шло в основном за счет крестьянской среды, в 1950 - 1960-е гг. в их воспроизводстве важными источниками становятся интеллектуалы и городские слои. В рекрутировании же в слой менеджеров гораздо меньшую роль, чем в случае с протобуржуазией, имела политическая благонадежность, партийность, образовательный уровень. Основное внимание уделялось деловым качествам - добросовестности, расторопности, аккуратности и т.д. В то же время, нередко основой создания данного слоя служила близость к руководителю хозяйства, очень часто - родство. Кроме того, существовал ряд менеджерских групп, куда уже с начала 1930-х гг. была сделана попытка имплантировать людей без непосредственного крестьянского или политически "чистого" социального прошлого (например, колхозные счетоводы). При рассмотрении конкретных биографий менеджеров наблюдается достаточно легкое передвижение внутри менеджерской страты: звеньевые или счетоводы становятся бригадирами, и наоборот, бригадиры, нередко, председателями колхозов. С 1950-х гг. становится заметной, а в 1960 - 1970-е гг. - ведущей линией сближения протобуржуазии, менеджеров и интеллектуалов в социальном пространстве сельской России.

Формальный правовой статус сельскохозяйственных менеджеров был достаточно сложным. Колхозные менеджеры были, как правило, колхозниками, менеджеры МТС частично рабочими, частично колхозниками (при этом группы дрейфовали), менеджеры совхозов - рабочими. Особо высокий объем прав среди менеджеров, как видно из уставов колхозов, имели бригадиры и счетоводы (бухгалтеры). Их правовой статус расширялся в сторону увеличения независимости от высшего звена колхозного руководства. С другой стороны, росли и ограничительные механизмы, не дававшие менеджерам набрать слишком серьезный вес в колхозной и совхозной системах. В глазах колхозников особое значение среди других менеджеров имел бригадир, который распределял работу, давал наряды, нередко приходил домой, штрафовал за невыход на работу и т.д. Свидетельством тому огромный пласт деревенских частушек: *"Я сегодня рано встала / Под окошком бригадир - / Выходите на работу, / А то хлеба не дадим!"*; *"Бригадир дает звонок, / Я гляжу в окошко. / Бригадира не видеть, / Полежу немножко"* [Частушки, 1990].

Чем выше был уровень капитализированности уклада, тем выше был статус менеджера. Так, управляющий отделением совхоза, бригадир совхоза распоряжались более крупными ресурсами, чем колхозные менеджеры, бригадир тракторной бригады МТС имел дело с наиболее передовой частью капитала - тракторами, машинами, общался с широким кругом высокопоставленных лиц - директорами МТС, секретарями райкомов, председателями колхозов и т.д. Принадлежность других сельскохозяйственных менеджеров к системе МТС (учетчиков, весовщиков и др.) также поднимала их статус.

Сельскохозяйственные менеджеры позиционировали себя как некую "середину" между колхозным руководством (колхозным, совхозным, мтсовским) и "рядовыми" работниками, поддерживали имидж более высокого социального статуса: "Сейчас я работаю табельщиком в колхозе и кассиром, - пишет в 1940 г. пензенский колхозник Рычагов брату, - и провожу молодую жизнь весело, хожу чисто, как профессор, гуляю с учительницами" [Зензинов, 1944]. В народном фольклоре также присутствовало понимание иерархической лестницы села, где менеджеры занимали подчиненное "начальству" место: *"Председателю - рога, / Бригадиру - гривка, / Счетоводу - длинный хвост - / Да не обманывай прохвост"* [Деревенская..., 2006].

Судьбы представителей менеджерского слоя в 1960 - 1980-е гг. были различны. Бригадиры, главные бухгалтеры (счетоводы) наращивали свой протобуржуазный статус, особенно после укрупнения колхозов, когда слой бригадиров пополнился бывшими председателями укрупненных колхозов, реорганизации МТС. Другая же часть сельскохозяйственного менеджерского слоя постепенно утрачивала свои привилегии, превращаясь в рядовых наемных работников.

Третий социальный класс - *интеллектуалы* сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветврачи, инженеры-механики и др.) [Бензин, Димони, 2010]. Численность этой категории возрастала. В 1941 г. в СССР количество специалистов сельскохозяйственных специальностей (агрономов, зоотехников, ветеринарных работников, получивших высшее и среднее специальное сельхозобразование), составляло 34 тыс., в 1960 г. - 294 тыс., в 1980 г. - 792 тыс. [Народное..., 1959; Сельское..., 1971, 1981]. В 1930 - 1950-е гг. основной интеллектуальной силой в сельском хозяйстве были агрономы, что было связано с задачами соединения технического капитала (тракторов, другой техники) с землей, внедрением крупных форм зернового производства. В конце 1950-х - 1960-е гг. основные задачи интеллектуального капитала в сельском хозяйстве были связаны с процессами капитализации животноводства, поэтому численность ветеринаров и зоотехников превышала численность остальных групп сельскохозяйственных интеллектуалов. В 1960-е гг. процесс капитализации сельскохозяйственного производства России вступил в завершающую стадию, основное значение в факторах производства приобрел капитал, сосредоточенный в передовых его формах - машинах и механизмах, что отражалось в 1970 - 1980-е гг. в нарастании среди всех групп интеллектуалов инженеров и техников механизации. Усложнение производства, его укрупнение, увеличение роли финансовых потоков в сельском хозяйстве потребовали увеличения роли еще одной важнейшей группы сельскохозяйственных интеллектуалов - экономистов и бухгалтерских работников.

Первоначально класс сельскохозяйственных интеллектуалов формировался во внедеревенской среде. В 1950-е гг. вместе с реорганизацией системы участкового обслуживания колхозов (1953 г.), а затем, ликвидацией МТС (1958 г.) все сельскохозяйственные интеллектуалы "осели" на землю - стали концентрироваться в колхозах и совхозах. В 1950 - 80-е гг. носители интеллектуального капитала начинают активно проникать на верхние социальные этажи деревни - в классы протобуржуазии и менеджеров, однако "микширования" классов протобуржуазии, менеджеров и носителей интеллектуального капитала не происходило, функции их оставались разными.

Правовой статус класса сельскохозяйственных интеллектуалов в 1930 - 1980-е гг. серьезно эволюционировал. До середины 1950-х гг. они являлись служащими, хотя и охваченными отдельными элементами "деревенского" статуса (им разрешалось иметь приусадебный участок до 0,15 га, частично они были охвачены системой повинностей). С середины 1950-х гг. сельскохозяйственные интеллектуалы, вместе с началом работы в колхозах, становятся колхозниками, а, следовательно, оплачивались колхозными трудоднями, лишались прав на социальное обеспечение и пенсию. Однако, после серьезного протеста сельскохозяйственных интеллектуалов, выразившегося в исходе из сельского хозяйства, многочисленных письмах в органы власти, их социальный статус стал более привилегированным, чем у рядовых колхозников, - им возвратили право на членство в профсоюзе, на ежегодные оплачиваемые отпуска и др.

Характерной чертой сельскохозяйственных интеллектуалов было наличие специального образования, которое через инструмент интеллектуальной капитализации переносилось в себестоимость продукта и было важнейшим условием эффективного применения физического капитала. Роль сельскохозяйственных интеллектуалов в капитализировавшейся экономике постоянно нарастала. Место интеллектуального капитала в производстве были связаны с функциями, организующими оптимальное взаимодействие живого труда, физического, финансового капитала и земли. При сокращении численности работников, занятых в сельском хозяйстве СССР с 1940 по 1980 г. в 1,3 раза, валовая продукция сельского хозяйства (в руб.) за этот период выросла в 3 раза. Основную роль в этом сыграло насыщение сельского хозяйства основным производственным капиталом, который увеличился за 50 лет более чем в четыре раза [Расчитано по: Емельянов, 1971; Сельское..., 1981]. Однако экономисты отмечали, что экономический эффект зависит от того, насколько рациональны затраты прошлого труда [Игнатовский, 1966]. Не случайно в период завершения процесса капитализации в сельском хозяйстве (1960 - 1970-е гг.) интеллектуальный капитал становится самым быстрорастущим ресурсом сельскохозяйственного производства. В 1965 г. в среднем по РСФСР на каждый колхоз приходилось 5 освобожденных специалистов [РГАНИ], в 1973 г. на один совхоз РСФСР приходилось 29 специалистов сельского хозяйства, на один колхоз - 14 [РГАЭ].

Отличительной чертой сельскохозяйственных интеллектуалов было то, что они с самого начала имплантации в сельское хозяйство получали фиксированную "монетаризированную" заработную плату от государства, которая на фоне оплаты труда других групп, работавших в деревне, выглядела достаточно высокой. Самосознание сельскохозяйственных интеллектуалов также отделяло их от остальной деревенской массы. "Отчуждение" сельскохозяйственным интеллектуалам в глазах деревенских жителей придавало то, что они были людьми "пришлыми" и работали "за деньги". В письме из колхоза им. Сталина Калужской области, адресованном в 1951 г. в ЦК ВКП(б), говорится о том, что в отличие от колхозников "бухгалтер, агроном, веттехник, все они работают по одному и за деньги" [РГАСПИ]. В повести В. Распутина "Деньги для Марии" (1967 г.), действие которой происходит в середине 1950-х гг., председатель колхоза собирает "зарплатных" людей, т.е. получающих денежную оплату труда (это он сам, агроном, ветеринар, зоотехник и механик), для того, чтобы помочь местной продавщице покрыть растрату в сельпо.

Приезжая в деревню на постоянное жительство, сельскохозяйственные интеллектуалы быстро становились объектом для подражания. В материалах этнографического обследования села Вирятино Тамбовской области, проведенного в 1952 - 1954 г., отмечалось, что "учитель, фельдшер, агроном... своей общей культурой, своим поведением и даже своим внешним обликом влияют на жизнь колхозников" [Село..., 1958]. Схожим образом показана жизнь зоотехника Тони в фильме С. Ростокского "Дело было в Пенькове". Оказавшись в деревне, Антонина задает моду в одежде (колхозница Лариса хочет такую же юбку гармошкой, "как у Тоньки"), в поведении (спорит с председателем колхоза, организует молодежь для постройки клуба), в работе (рассказывает о возможностях новых машин и технологий).

Если население постепенно привыкало к присутствию сельскохозяйственных интеллектуалов в деревне, хотя до конца "своими" они так и не стали, то с "высшим" классом деревни - протобуржуазией - у сельскохозяйственных интеллектуалов поначалу складывались сопернические отношения. "Смягчение" взаимоотношений сельскохозяйственных интеллектуалов и протобуржуазии относится к периоду пополнения последнего слоя специалистами сельского хозяйства. Эволюция взаимоотношений сельскохозяйственных интеллектуалов и сельскохозяйственной протобуржуазии закончилась вполне прочным встраиванием казавшегося инородным слоя интеллектуалов в сельскую жизнь.

Социальный статус класса *рабочей аристократии* базировался на овладении техникой - главным материальным фактором капитализировавшейся экономики. Рабо-

чая аристократия в сельском хозяйстве состояла из квалифицированных работников - трактористов, комбайнеров, шоферов, позднее - мастеров машинного доения и др. категорий, работавших с машинами и механизмами. Численность этого социального класса серьезно увеличилась - в РСФСР численность трактористов, комбайнеров и шоферов составляла в 1940 г. около 900 тыс., в 1988 г. - примерно 2 млн. чел. [Народное..., 1962, 1988]. Основную часть этого социального класса в профессиональном плане составляли трактористы, на втором по численности месте до середины 1950-х гг. были комбайнеры, а с середины 1950-х гг. их опережает по численности профессиональная группа шоферов, что связано с нарастанием инфраструктуры, необходимой в условиях развивающегося рынка.

Степень вычленения данной категории в производственном процессе была достаточно высокой, ее позиции, особенно в период становления колхозного строя, обладали значительной долей престижа. Формировался данный социальный класс из грамотных колхозников и рабочих совхозов. Уже в 1930-е гг. трактористы, оставаясь по социальному статусу колхозниками, получали гарантированную оплату труда от МТС (не менее 2 руб. 50 коп. деньгами и 3 кг зерна на трудодень), которая была почти равна с оплатой труда сельской протобуржуазии, имели определенные льготы по несению повинностей. Постепенно данный социальный класс отдалялся от рядовых селян и социально и территориально. В 1953 г. трактористы (а комбайнеры в середине 1930-х гг.) стали штатными работниками МТС, т.е. по социальному статусу - рабочими. И хотя в 1958 г. после реорганизации МТС трактористам и комбайнерам вновь возвращался статус колхозников, им был сохранен уровень оплаты труда, существовавший в МТС, право на оплачиваемый отпуск, на государственное социальное страхование.

Механизаторы подолгу жили вне деревни - в других колхозах, на полевых станах, на усадьбах МТС. Их более высокий и желаемый другими социальный статус отражался деревенским сообществом в частушках: *"В кооперации купила / Я на блузку кружева / Неужели я не буду / Трактористова жена?"*, *"Полюбила тракториста / Не хочу отказывать. / Ему легкая работа - / Машинышки смазывать"* [Частушки, 1987: 172-173]. Данный социальный класс был наиболее политизированным в деревне - показательна наибольшая по сравнению с рядовыми тружениками партийно-комсомольская прослойка среди механизаторов. Место рабочей аристократии в отношениях собственности базировалось на реализации ими потенциала прошлого труда, что могло приносить дополнительные дивиденды: *"Мой миленок комбайнер - / Лучшая отрада / Он тайком зерно привозит - / Зарплаты не надо!"* [Заветные..., 1999].

Пятый социальный класс сельскохозяйственного населения - *сельскохозяйственный пролетариат* (рядовые колхозники и совхозные рабочие). Место сельскохозяйственного пролетариата в капитализированной экономике было связано с переносом в стоимость сельхозпродукта затрат живого труда. Этот социальный класс в российской деревне составлял основную долю сельскохозяйственного населения, однако численность его сокращалась. В 1939 г. "рядовых" работников, имеющих занятия в колхозном и совхозном хозяйствах России, насчитывалось около 18 млн. чел., в 1989 г. - около 3 млн. [Всесоюзная..., 1999; Профессиональный..., 1992]. Формировался сельский пролетариат, в подавляющем большинстве, из крестьян. Правовое положение основной части данного социального класса - колхозников - отличалось серьезной дискриминацией. В 1930 - 1950-е гг. в отношении них полномасштабно действовала система крестьянских повинностей, до 1964 г. колхозники не имели права на государственную пенсию, до 1970 г. - не могли являться членами профсоюза, до 1974 г. жили без паспортов. Совхозные рабочие имели паспорта, однако система повинностей (натурально-продуктовых, денежных) на них также распространялась. Сельский пролетариат был классом, наиболее отдаленным от участия в реализации прав собственности, труд их в наибольшей степени эксплуатировался. До 1966 г. колхозники не получали гарантированной заработной платы, оплата их труда состояла из натуральных и денежных отчислений от доходов в колхозах и распределялась по трудодням (по остаточному принципу). Работа за трудодни - наиболее ярко отражен-

ный в деревенском фольклоре элемент правового статуса колхозника: "Заработала одни / Палочки - трудодни / Не испечь их, не сварить / И ни печку истопить" [Заветные.....1999]. В 1960-е гг. правовой статус и экономическое положение колхозников

сближается с совхозными рабочими - они начинают получать гарантированную заработную плату, уходит в прошлое система крестьянских повинностей, чуть позже начинается паспортизация колхозной деревни. Сельский пролетариат дольше остальных сельскохозяйственных классов сохранял крестьянские черты. Они базировались на полномасштабном, по крайней мере, до 1960-х гг., ведении приусадебного хозяйства, которое формировало до половины доходов семьи. Сохранение хозяйства двора было настолько важным для самоидентификации колхозника (как, впрочем, и большинства совхозных рабочих), что В. И. Белов назвал этот системообразующий признак "Привычным делом". Большим своеобразием отличалось и участие сельского пролетариата в политической жизни. Находясь на нижнем этаже советского общества, он был в значительной мере отстранен от участия в принятии политических решений и предпочитал действовать в стиле традиционного крестьянского "молчаливого" социального протеста, т.е. применяя пассивное сопротивление власти (исход из деревни, уклонение от повинностей, борьба за приусадебную землю, сохранение традиционной культуры и др.) [Бензин, Димони, 1999].

Вызревание новой социальной системы произошло в 1930 - 1950-е гг., несмотря на существование системы повинностей, малую еще социальную дифференциацию, на первый взгляд, примитивные, раннекапиталистические отношения собственности с сохранением элементов, весьма характерных для государственного феодализма. Последнее же 30-летие колхозно-совхозного строя (1960 - 1980-е гг.) было временем, когда оформились буржуазные тенденции в отношениях собственности, произошло раскрестьянивание деревни с формированием новых социальных классов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь, 2008.
- Артемова О. В., Безнин М. А., Камкин А. В., Саблин В. А. Исторический очерк деревень Алекино, Леонтьевщина, Уткино // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997.
- Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930 - 1980-х гг. М., 2009.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930 - 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. N 7.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930 - 1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2010.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930 - 1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2009.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930 - 1960-е годы // Отечественная история. 2002. N 2.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930 - 1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930 - 1980-х годов // Российская история. 2010. N 2.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930 - 1980-х гг. // Отечественная история. 2005. N 6.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х - 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. N 3.
- Беленький В. Х. Российский высший класс: проблема идентификации // Социол. исслед. 2007. N2.
- Беленький В. Х. Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // Социол. исслед. 2006. N11.
- Беляева Л. В. Социальные слои России: опыт кластерного анализа // Социол. исслед. 2005. N12.
- Внутриклассовые изменения крестьянства. Минск, 1966.
- Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. СПб., 1999.

- Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стеногр. отчет. ОГИЗ-Сельхозгиз, 1935.
- Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.
- Деревенская частушка XX века. СПб., 2006.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Емельянов А. М. Экономика сельского хозяйства. М., 1982.
- Еферица Т. В., Еферица Ю. Г. История села Старое Синдрово // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996.
- Заветные частушки: Из собрания А. Д. Волкова. Т. 2: Политические частушки. М., 1999.
- Зензинов В. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию 1939 - 1940. Нью-Йорк, 1944.
- Иванов Л. В канун отрядных перемен. М., 1984.
- Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966.
- Ковалева Л. Оружие слабых: село Александровка и Плотниково (преданализ). В кн.: Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, 2002.
- Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
- Комаров М. С. Социальная стратификация и социальная структура // Социол. исслед. 1992.
- Кондрашин В. История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Ежегодник. 1997.
- Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008.
- Маслов Е. Дневник председателя колхоза // Подъем. 2005. N 7.
- Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М., 2007.
- Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы научной конференции. М., 1996.
- Народное хозяйство РСФСР в 1961 г. Стат. ежегодник. М., 1962.
- Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегодник. М., 1988.
- Народное хозяйство СССР в 1958 г. Стат. ежегодник. М., 1959.
- Народное хозяйство СССР. Стат. сборник. М. -Л., 1932.
- Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998.
- Овечкин В. Гости в Стукачах. М., 1978.
- Полторацкий В. След человеческий. М., 1977.
- Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). М., 1993.
- Профессиональный состав населения РСФСР коренных и наиболее многочисленных национальностей РФ (по данным переписи населения 1989 г.). М., 1992.
- Радов Г. Кого люблю... М., 1971.
- Ратушняк О. В., Ратушняк Т. В. Станица Старотитаровская (исторический очерк) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 517. Л. 37.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 332. Л. 10а.
- РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 2673. Л. 108.
- Руткевич М. Н. О социальной структуре советского общества // Социол. исслед. 1999. N 4.
- Самиздат века. Минск - Москва, 1997.
- Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958.
- Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971.
- Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1981.
- Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области. Л., 1982.
- Совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства // Стеногр. отчет. издат. ЦК ВКП(б), 1936.
- Солодовников С. Ю. Социально-классовая организация общества // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003.
- Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978.
- Староверов В. И. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества // Социол. исслед. 1998. N4.
- Уровень и состав затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продуктов растениеводства совхозов за 1966 - 1980 г. М., 1983.
- Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов. М., 1975.
- Частушки / Сост. Л. А. Астафьева. М., 1987.
- Частушки / Сост. С. В. Викулов. Вологда, 1952.
- Частушки в записях советского времени. М. -Л., 1965.
- Частушки. М., 1958.
- Частушки. М., 1987.
- Частушки. М., 1990.

Черниченко Ю. Русский чернозем. М., 1978.

Bernham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N.Y., 1941.

Gouldner A.W. Against Fragmentation: The origins of Marxism and the society of intellectuals. N.Y., 1979.

Gouldner A.W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Westview Press, 1994.

Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940 - 1950 // Social stratification. N.Y., 1951.

Nove A. Political Economy and Soviet Socialism. L, 1979.

Teckenberg W. Die soziale Structur der sowjetischen Arbeiter klasse im internationalen Vergleich. Auf dem Wegezur industrialisierten Standegesellschaft? Munchen, Wien, 1977.